

Н.А. Игнатов

Голубь мира

Рассказ

16+

Николай Александрович Игнатов

Голубь мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36304233

SelfPub; 2018

Аннотация

Рассказ о коллаборационистах во время Великой Отечественной Войны; о стойкости и мужестве партизан; о сути предательства; о нелегкой судьбе человека, попавшего в жернова войны, но сумевшего, найдя в себе силы, выжить и победить.

Во имя жертв войны,

Всем, кто сражался за Родину, посвящается...

Никифор плюхнулся на койку, довольный и обмякший, и закурил папиросу. Кошачьим хмельным взглядом он провожал выходивших из хаты своих сообщников, стрелков из вспомогательной полиции уезда. Суэта закончилась, выстрелы стихли, можно и отдохнуть, можно и подымить. Холодная мартовская ночь безучастно накрывала тишиной и темнотой весь поселок без остатка, всё обширное место преступления.

Керосиновая лампа цинично и даже с некоторой художественной издевкой едва освещала полуобнаженный труп хозяйки хаты, изувеченный и изуродованный. В хате был страшный бардак, Никифор с другими полицаями искали чего ценного, но толком ничего не нашли – все сплошь тряпье да немного дрянной посуды. Потому, наверное, и насиловали полуживую хозяйку с большим остервенением, обозясь на скудость наживы. Хозяйка была лет сорока, добротная баба. Они сначала ее сильно избивали, пытаясь, где лежат хоть какие-нибудь ценности, а она (вот ведь ведьма!) упрямо твердила, что ничего у нее нет, что живут они сами впроголодь. Потом Федька Лопухов перестарался и саданул бабу прикладом в висок, когда та, услышав на улице визги и крики своих детей, начала сама кричать и вырываться. «Ироды проклятые! Душегубы! Мрази!» – вопила она хрипло, и все в таком духе, а Лешка хрясь её прикладом, она тут же

и замолкла, свалившись на пол. Ну тут уж, переглянувшись подумали все разом, сам Бог велел, и молча принялись за любимое и привычное дело. Насиловали все трое, кто были в хате, потом позвали остальных с улицы, которые уже закончили с детьми и стариком, слепым отцом хозяйки. В сознание баба уже так и не пришла, последний из насильников, Лешка Древкин, вонзил ей финку под ребра. Потом и некоторые из остальных, шутки ради, втыкали ножи в мертвое уже тело. Впрочем, всем быстро это наскучило и труп оставили в покое.

Никифор с улыбкой вспоминал, что Федька всегда был такой вспыльчивый, еще когда до войны в деревне жили. Он мог не то что за слово, а даже за взгляд косой в ухо дать. А эта стерва, красная сволочь, мразью ругнула!

«Нет, все-таки дрянная это деревенька, – размышлял в полудреме Никифор. – Мало того, что партизан прячут, так еще и живут как оборванцы последние! Два часа сюда ехали, тряслись по ухабам, а ничего путного ни в одной хате не сыскали. Даже самогонки и той одна бутылка только нашлась. Да и партизаны, волчьё, как чуяли, посбегали в лес как раз перед нами, паскудное племя».

С улицы послышались голоса, кто-то звал Никифора и общал, что надо бы уже поджигать дом да выдвигаться назад в уездный центр. Другие голоса, впрочем, возражали. Говорили, мол, нечего уже на ночь глядя никуда ехать, переночевать бы здесь, а уж ранним утром и домой. Под общие одоб-

рительные возгласы последнее предложение было принято. Никифор уже совсем спал и не слышал ни этих голосов с улицы, ни пьяного смеха, когда его сообщники сбрасывали тела обоих детей и старика в колодец. Он спал и видел туманные обрывки сновидений: вот он маленький лезет с отцом на голубятню (у них у одних в деревне была голубятня, еще тогда, в царское время), отец хочет достать ему белого голубя, чтоб он подарил тётке к свадьбе. Поднимаются они, значит, по лесенке, а кругом вихри листву крутят, небо серостью и холодом исходит, вороны жирные гаркают. Поднялись, а там вместо птиц сидят немцы. Естественно, с автоматами на груди, трое ваффенских рядовых и тот самый штурмшарфюрер Шойзаль в черной форме, которого Никифору две недели назад видеть в уезде довелось, из дивизии Райх, что прислали в усиление местным для борьбы с партизанами. «Железные люди, эти эсэсовцы, – подумалось тогда Никифору. – Ишь, какой статный! Такие и вправду легко и гордо смотрят, как с небес в адскую расщелину, на унтерменшей. Таким и точно ведь нет надобности копаться в нутре своем в поисках сострадания к выродкам этого гнусного племени. Да, нам еще далеко, нам еще учиться у них и учиться...»

Немцы сидят, хохочут, и у каждого в руках стакан со шнапсом. Увидели Никифора с отцом, перестали смеяться и штурмшарфюрер Шойзаль, серьезно так, чуть задрав нос, прогнусавил: «Что, са холупем прищли, братья меньший?».

Остальные трое начали было ржать, но эсэсовец остановил их жестом. «Так фот он, фосьми», – сказал он и пнул сапожищем к ногам отца что-то бело-красное, исковерканное, гадкое. Отец бережно поднял изуродованный птичий труп и злобно посмотрел на Никифора. Немцы снова громко засмеялись, на этот раз все вчетвером. Никифор протянул было ручонку к мертвому голубю, но тот внезапно вскочил, встрепенулся, размотав висящие из разорванного брюшка кишки, и быстрым движением клюнул Никифора в плечо, да так больно, что он проснулся.

«Просьпайся, изверг фашистский!» – озверевшим голосом прохрипела Авдотья, втыкая финку во второе плечо Никифора.

Никифор взвизгнул и подскочил было с кровати, одуревшими рыбьими глазами стараясь пронзить темноту, но тут же получил сильный и тяжелый удар в морду чем-то вроде кастета. Он замычал и, сев опять на измятую перину, схватился левой рукой за нос, а правой еле заметно пошарил сбоку на койке. Автомата не было на месте.

«Что, паскуда, шмайссер свой ищешь?!» – сказала зло Авдотья, поправляя кастет на правой руке, – «Теперь он мой. Сиди, тварь, не двигайся, а не то яйца отстрелю».

Никифор затих и не двигался более. Он узнал этот голос и понял, что теперь все для него кончено.

– Что за «шмайссер», Сологуб? Это ты так МП называ-

ешь?

Авдотья Сологуб, совсем молоденькая, но уже опытная партизанка из отряда «Смерть фашизму!», сидела в землянке и глядела в пол. Чумазое и обветренное лицо ее было не по годам (ей нет еще восемнадцати) серьезным, а в глазах читался до ужаса громоздкий и неподъемный для ино-го восьмидесятилетнего старика жизненный опыт. Точнее опыт выживания и умерщвления. Она очень устала, буквально проваливалась в сон, и сидела сейчас на большой чурке в землянке, не засыпая только благодаря обширной харизме командира, ведущего допрос, и безмерного её к нему уважения. Лейтенант госбезопасности Абаков Егор Иванович, присланный народным комиссариатом два месяца назад в отряд для замены погибшего командира, повторил вопрос, который, как ему показалось, сонная Авдотья просто не услышала.

– Авдотья, ты спишь что-ли? Я говорю, что за «шмайссер?» Пистолет-пулемет МП-38?

Она подняла голову и кивнула. Абаков закурил папиросу и сел напротив нее на топчан.

– Товарищ Абаков..., – слабо прохрипела она. – Можно я спать пойду. Сутки не спала, сил нет.

– Пойдешь. Скоро пойдешь. Скоро так пойдешь спать, что проснешься не в отряде уже, а...

Авдотья сверкнула на командира ястребиным хищным взглядом.

– Что глазками сверкаешь? – чуть усмехнулся он, видимо уставая уже выглядеть суровым начальником перед этой, в сущности, совсем еще девчонкой.

– Ты что же, Дуня, думаешь, нарушение приказа командира так вот просто с рук сходит? Причем целенаправленное и наглое нарушение.

– Куда ж вы меня теперь, из отряда-то? К немцам что-ли? Дальше фронта не пошлешь, а мы и так уж в тылу у них, так что...

– Что «так что»? – вдруг вскрикнул командир. – Дурёха, ты думаешь, раз мы не в действующей части, так и закон военного времени здесь не работает?

– Ой, товарищ Абаков, делайте что хотите! – устало махнула Авдотья рукой и слезы обиды показались на ее глазах.

– Да как же ты не понимаешь?! А, черт с тобой! Ну скажи, зачем ты убила его? Огрызкин Никифор, он уже в звании поручика у них был, его в начальники шутцманов перевели из полицаев... Он, он столько знал! Он живой был нужен, понимаешь?!

– Черта с два! – закричала, не выдержав Авдотья, вскочила было на ноги, но вдруг зарыдала, закрыв лицо руками.

Абаков повидал всякое за годы службы, а уж тем паче – за время войны. Но видеть рыдающую Авдотью ему почему-то сейчас было совсем невмоготу.

– Ладно, Дунька, брось ты это... рыдать, – он подошел и положил тихонько руку ей на плечо. – Понимаю тебя, я б

и сам его, если б он мою мать...как твою. Притащила б его живым, я б все разузнал от него про эсэсовцев, а уж потом тебе на расправу выдал. Знаешь ведь, что нам эсэсовский язык позарез нужен. Ну чего ты, дуреха, а ну прекрати слезы, не позорь отряд.

Авдоться и вправду перестала плакать. Она повернулась к командиру, и он увидел в глазах ее прежнюю колкую злость.

– А я у него и сама все разузнала.

Она рассказала в подробностях весь свой не такой уж длинный разговор с Никифором. Повела об обстоятельствах его захвата; о том, как ее группе пришлось сначала заманить шутцманов в деревню (что Никифор их возглавит в этом рейде, было также известно); о том, что жители всех трех оставшихся домов в деревне были убиты и стали очередными, хоть и лишними жертвами зверств предателей; о том, наконец, как их группа подобралась, когда стемнело, к дому, где каратели решили заночевать, и как всех их тихонько сняли, а Никифора (в дым пьяного, спящего в хате) оставили Авдотьё...

До войны жили они с ним в одном поселке, тут же в Верховском районе. Дунька, как все звали Авдотьё, росла спокойной, тихой девчонкой, хорошенькой, впрочем, и неглупой. Она до рассвета поднималась, вместе с матерью шла поить и кормить скотину, приносила воду, помогала приготовить нехитрую трапезу. Потом она шла в контору, где работала машинисткой, благо была грамотная. Вечером снова

по хозяйству. Изредка, может раз в неделю, мать отпускала Авдотью на танцы или просто гулять с друзьями-подругами, впрочем, та особо и не рвалась, и не смотря на бурлящую, молодую кровь, глубоко понимала надобность помогать семье и была безропотна. Сводный брат Авдотьи, Василий, жил с отцом в Орле, потому виделась она с ним крайне редко, хотя относилась к нему тепло. Здесь, немного забежав вперед, можно сказать, что после войны брат с сестрой стали близки крайне, потому как других, кроме друг друга, родных у них не осталось.

В общем и целом, Авдотья была простой, скромной, деревенской девкой, потому хищные взгляды многих одурманенных гормонами холостых ловкачей, вроде Никифора или его дружка Федьки Лопухова, она старательно игнорировала, храня целомудрие.

Никифору на ноябрь сорок первого было сорок лет, жил он один в родительском доме, который, сказать к слову, привел в их отсутствие в полное запустение. Числился он слесарем в моторно-тракторной станции. Именно числился, работать толком он там не работал по причине регулярного пьянства и разгильдяйства. По профессии, однако, был он животноводом, но скотину особо не любил и, как сам выражался «брезговал этим дерьмовым ремеслом». Отцовская голубятня, доставшаяся по наследству, в которой предок Никифора души не чаял, обратилась в руины первая в хозяйстве, а птицы передохли или разлетелись.

И отца и мать постигла печальная участь сразу после свертывания НЭПа, мать сослали куда-то (не сообщив никому – куда именно), отца расстреляли за расхищение соц. собственности. Еще до революции отец Никифора, Степан Степанович Огрызкин, имел лавку и мастерскую в поселке, и жили они, конечно, на зависть односельчанам, зажиточно. После революции, не мудрено, все пришло в упадок, но начавшийся вскоре НЭП вселил в Степана Степановича большой оптимизм и он с энтузиазмом восстановил свое дело, и пошло оно чуть не лучше прежнего.

Уже потом, через годы после расстрела отца, Никифору сообщили факты из его дела. Донесли до него, среди прочего, что подворовывал Степан Степанович пшеницу из колхозных амбаров, причем ту, что полагалась к выдаче по налогу, а затем продавал ее в своей же лавке и даже большими партиями по-дешевке; а еще он не стеснялся принимать к реализации краденное имущество и вообще с воровским элементом не только района, но и всей области, якшался как с названными братьями. Никифор, конечно, не верил во все это и называл поклепом на честь семьи, и ненависть к Советской власти его крепла с каждым днём. Он, впрочем, и сам знал о связях отца с жуликами и о многих его темных делах, но твердо был уверен, что расстреляли его не за это, а просто из зависти к его умению обогатиться и хорошо жить даже в условиях, когда вся страна была в разрухе. Они, думал он, нашли только предлог для расправы, ничего, притом

не сумев даже доказать. А мать пошла сообщницей, ей дали десять лет, и так она домой больше не вернулась.

Сам Никифор, к слову сказать, успел повоевать в Деникинской армии, участвовал в двух-трех наступлениях, весьма успешных, когда деникинцы всерьез думали захватить Москву. Он даже получил тогда звание фельдфебеля. Но, когда Красные прижали их обескровленный полк к крутым берегам Дона, фельдфебель Огрызкин, недолго думая, резко охладел к идейной составляющей Добровольческой армии и белого движения в целом. Вера в то, что Россию еще можно избавить от этого «жидовского большевизма» умерла в нем в тот холодный ноябрьский вечер, когда он, скинув шинель, и переодевшись в какое-то гражданское тряпье, отобранное им в ближнем хуторе «для нужд Русской армии», ускакал в неизвестном направлении. Позже он вынырнул сначала где-то у Красных, примкнув к беженцам, и достоверно имитируя безнадежного чахоточника, а затем и вовсе оказался в родном селе, весь понурый и вообще искалеченный войной. Чувя звериным чутьем скорый конец сопротивлению большевикам, он, с гримасой несносимой душевной боли и тоски, глаголил всем односельчанам о том, как бился с «белой сволочью» в дивизии Буденного, о том, как был ранен и контужен и как едва смог дотопать до дома.

– Так значит, Дуня, пострелы из дивизии Райх к нам пожаловали... Скверно... – задумчиво, как бы сам себе сказал Абаков, глядя в пустоту и так сильно втягивая в легкие дым

папиросы, что казалось, от этого зависело многое в его жизни.

– Егор Иваныч, ну будь ты человеком, отпусти спать, – жалобно просипела Авдотья, наклонив сильно голову.

– Да пойдешь сейчас, – встрепенулся Абаков и потер воспаленные глаза. – Точно не забыла ничего? Все рассказала?

– Да точно, точно.

– Эх, кабы еще знать сколько именно этих гадов прислали. Неужто всю дивизию? Эти суки могут, надоело им с партизанами в тылу вошкаться, когда фронт горит. Ну, раз прислали эсэс, значит, Дунька, дело мы правильно делаем! Значит так свербит у них в заднем месте, что сил нет.

Он хотел было еще сказать что-то, подхваченный волной болезненного воодушевления, возникшего на фоне почти полного отсутствия сна, но осекся, взглянув на Авдотью и заметив, что та спит. Абаков подошел к столу, положил в консервную банку потухший сам собой окурочок и повернулся на спящую партизанку. В тусклом мерцании керосиновой лампы ее лицо, пусть чумазое и обветренное, было милым и даже красивым. Абаков на секунду впал в оцепенение, до того далеко завело его затуманенный от усталости ум воображение, разгоревшееся от простого созерцания Дунькиных немых щек и губ. Придя в себя, он отчетливо сумел распознать из тараканами разбежавшихся мыслей только одну – всеобъемлющая и всепреодолевающая сила волнами исходила от этого юного лица. Было совершенно ясно – этот дух

молодости, эту волю к жизни не сломить никому и ничему, ни вермахту, ни предателям, ни эсэсовцам. Сколько бы они ни убили людей, скольких бы ни изувечили, итог будет один – мы победим!

Абаков осторожно взял на руки спящую Авдотью, положил на свой топчан и укрыл рваной своей шинелью. Потом он вышел из землянки, проверил дозорных и вернувшись, лег на пол и сразу же уснул, успев только подумать, что верно наврала ему Дунька про допрос свой Никифора, уж больно мало деталей было в ее рассказе.

.....

Командир был прав – Авдотья не поведала ему многого из последнего разговора с Огрызкинским. Можно смело сказать, что она ограничилась в скупом монологе своем лишь тем, что было бы интересно услышать товарищу лейтенанту госбезопасности, самое же интересное, соль разговора, так сказать, она, конечно же, утаила. И правильно, зачем очернять себя в глазах командира, у которого ты на хорошем счету. Хотя она и заметила давно, что заглядывается он на нее, потому и позволить себе могла в разговоре то, за что иных могли и сурово наказать.

Дуня не поведала о том, что в своей душевной беседе с Никифором придерживалась больше ностальгических нот. Так, к примеру, она заставила его в подробностях вспоми-

нать некоторые особые для нее факты из их общей биографии. Огрызкин долго мычал сначала, показывая, дескать, что и не помнит толком ничего, но стоило Авдотье один лишь разок выстрелить ему в ногу, с его памятью сделались чудеса. Он вспомнил все, о чем она просила. И как они с Лопуховым и остальной шоблой убили председателя Сельсовета, и всю его семью; и как водрузили потом изувеченные тела председателя и его жены на кресты с табличками, где было написано «Добро пожаловать, освободители!» и выставили эти кресты на дороге еще за полдня до приезда немцев; о том, как они согнали в сарай и сожгли заживо всех партийных и активистов вместе с детьми; о том, как изнасиловали и убили мать Авдотьи, и как изнасиловали ее саму...

Никифор истекал кровью. Он стонал от боли и умолял. Умолял не добить его, избавив от мучений, а помиловать, отпустить. До того сильна была его животная воля к жизни, что даже здесь, в безысходной ситуации, он с мюнхгаузенским оптимизмом продолжал надеяться на спасение своей жалкой жизни. Авдотья глядела на него с такой злобой, что даже самый фантастический оптимист, увидев ее взгляд, безоговорочно признал бы тщету надежд. Совсем коротко осведомившись о прибывших недавно в уезд эсэсовцах (та, собственно, информация, которую Абаков хотел получить от живого Никифора), она достала из сапога финку и бросила рядом с Никифором на кровать.

– Отрежешь себе причиндалы, отпущу, – сухо объявила

она.

Огрызкин на мгновение прекратил стонать, мельком взглянув на огромный нож. Казалось, искра тупой, но светлой надежды мелькнула в его глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.